

К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Ф. И. БУСЛАЕВА

УДК 811.161.1(091)(Буслаев Ф. И.)
ББК Ш141.12-03

ГСНТИ 17.01.09

Код ВАК 10.01.08

Т. А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

«ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА НАШЕЙ НАРОДНОСТИ» В ТРУДАХ Ф. И. БУСЛАЕВА

Аннотация. Цель статьи — дать общее представление о роли Ф. И. Буслаева в становлении и развитии отечественной филологии. Автор говорит о новаторском характере предложенного Буслаевым понимания роли науки как одного из важнейших факторов общественного сознания и самосознания. Буслаев поставил перед российской филологией задачу целостного осмысления народного мировоззрения, разработал и предложил пути ее решения, заложив основы сравнительно-исторического метода научного исследования, который продолжал совершенствоваться на протяжении всей своей научной деятельности. В статье особо отмечается универсальный характер научного мышления Буслаева, его способность воспринимать изучаемое явление многоаспектно, в свете и лингвистической, и литературоведческой проблематики, в соотнесенности с историческим контекстом. Заслуга Буслаева — утверждение высокой эстетической и нравственной ценности народной словесности как основы для зарождения и развития письменной литературы. Будучи лидером мифологической школы, Буслаев определил стратегическое направление развития отечественной филологии. Его исследования в области фольклористики существенно углубили представление о специфике отражения действительности в магистральных жанрах, о региональных особенностях бытования устного народного творчества. Буслаев ввел в научный оборот большой массив произведений средневековой русской литературы, заложил фундамент русской медиевистики.

Особое внимание в статье уделено самостоятельному, оригинальному подходу Буслаева к решению общих для европейской филологии проблем. Стремясь к изучению подлинно народного мировоззрения, ученый пришел к пониманию его внутренней динамики, обусловленной историческими обстоятельствами, разработал концепцию трех периодов развития народной поэзии. Автор статьи предпочитает говорить не о переходе Буслаева на позиции школы заимствования, но об усложнении и обогащении сравнительно-исторического метода в его трудах 1870-х гг. Буслаев приходит к пониманию многоуровневого характера связей между творчеством разных народов, обусловленного не только генетическим родством или заимствованиями в процессе общения, но и типологическими сближениями в силу сходства условий исторического существования.

Ключевые слова: народность; фольклористика; сравнительно-исторические методы; мифологические школы; лингвисты.

T. A. Lozhkova
Ekaterinburg, Russia

“THE BASIC PRINCIPLES OF OUR NATIONALITY” IN THE WORKS OF FYODOR BUSLAEV

Abstract. The purpose of this article is to give a general idea of the role of Fyodor Buslaev in formation and development of Russian philology. The author speaks about the innovative nature of Buslaev's understanding of the role of science as one of the most important factors of social consciousness and self-awareness. Buslaev posed to the Russian philology the task of a holistic interpretation of the people's worldview, developed and proposed ways to solve it, laying the foundations of the comparative-historical method of scientific research, which he continued to improve throughout his scientific work. The article emphasizes the universal nature of Buslaev's scientific thinking, he perceives the phenomenon under study multifaceted, in the light of both linguistic and literary problems, and in correlation with the historical context. The merit of Buslaev is the affirmation of the high aesthetic and moral value of folk literature as the basis for the origin and development of written literature. As the leader of the mythological school, Buslaev defined the strategic direction of the development of Russian philology. His studies in the field of folklore have significantly deepened the notion of the specific nature of reality reflection in the main genres, and the scope of the regional peculiarities of the folklore existence. Buslaev introduced a large array of works of medieval Russian literature into scientific circulation; he laid the foundation of Russian medieval studies.

Particular attention is paid to the independent, original approach of Buslaev to the solution of problems common to European philology. Seeking to study a genuinely popular world outlook, the scientist came to an understanding of its inner dynamics, conditioned by historical circumstances, he developed the concept of three periods of progress of folk poetry. The author prefers to talk not about the transfer of Buslaev to the position of the school of borrowing, but about the complication and enrichment of the comparative-historical method in his writings of the 1870s. Buslaev comes to an understanding of the multi-level nature of the connections between the creativity of different peoples, conditioned not only by genetic kinship or borrowing in the process of communication, but also by typological closings due to the similarity of the conditions of historical existence.

Keywords: national character; folklore studies; comparative-historical method; linguists.

Выдающаяся роль Ф. И. Буслаева в становлении и развитии отечественной филологии признавалась уже его современниками, которые, однако, вполне отдавали себе отчет в том, что осознание подлинного масштаба его вклада в развитие научной мысли — процесс, развернутый в будущее: «Можно сказать положительно, что Буслаев дал русской науке, в период 60-х годов, такой толчок, значение которого мы едва ли можем оценить в

данное время» [Полевой 1888: 211]. И сегодня труды Буслаева являются предметом постоянного исследовательского интереса. Именно с них, по общему мнению, начинается научное осмысление фундаментальных вопросов истории русской словесности в ее глубинных взаимосвязях с устным народным творчеством: «Народная словесность становилась только на очередь научного вопроса, и первым русским ученым, поставившим этот вопрос в центре

своей научной и общественной деятельности и сделавшим его наиболее жизненным и дорогим для себя, по личным симпатиям и убеждениям, был Федор Иванович Буслаев» [Ляцкий 1898: 129–130].

Буслаев предложил новаторское для своего времени понимание роли науки в общественной жизни. В самых общих чертах оно было сформулировано в программной речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной на торжественном собрании Московского университета 12 января 1859 г.: «Желая обратить ваше внимание на один из важнейших предметов древнерусской литературы, я руководствовался тою мыслию, что ясное и полное уразумение основных начал нашей народности есть едва ли не самый существенный вопрос и науки, и русской жизни» [Буслаев 1990: 30]. Таким образом, предлагалось рассматривать исследовательскую деятельность в области истории народной культуры и словесности не только в качестве одной из форм выражения общественного сознания и самосознания, но и в качестве одного из важнейших факторов его развития. Сила воздействия буслаевских идей на самые широкие слои современного ему русского общества оказалась поистине поразительной, о чем с нескрываемым восхищением говорит, например, известный литератор и филолог П. Н. Полевой: «И вдруг является молодой ученый, и при том европейски образованный человек, который, в своих прекрасно изложенных статьях, начинает знакомить русское общество с русским прошлым, с его идеалами и с понятиями старых русских людей, красиво и увлекательно передает содержание многих, совсем неведомых памятников литературных, говорит о русском искусстве, свободно сравнивая миниатюры какой-нибудь лицевой Псалтыри с перлами художества всем известных европейских музеев <...> он принес величайшую пользу русскому обществу и массу людей привлек к разработке русской старины и народности. Пути, которые он прокладывал для исследования, приемы, которые он применял к изучению древних памятников — все это, казалось, так легко, так богато выводами, так ново, что масса молодежи спешила наперыв обратиться к изучению почти нетронутой сокровищницы нашей рукописной литературы, к собиранию памятников народной словесности, к изучению особенностей нашей областной жизни» [Полевой 1888: 210–211].

Буслаев не только поставил перед молодой российской наукой грандиозную задачу осмысления народного мировоззрения, он разработал и предложил пути ее решения. Его труды стали методологической опорой для последующих поколений филологов, поскольку в них были заложены основы сравнительно-исторического метода научного исследования — одного из самых востребованных и по сей день. Особо следует упомянуть о такой особенности научного мышления Буслаева, как его универсализм, выразившийся в способности воспринимать изучаемое явление многоаспектно, в свете и лингвистической, и литературоведческой проблематики, в соотнесенности с историческим контекстом. Как его оппоненты, так и последователи

единодушны в том, что необычайная широта научных взглядов Буслаева была основой концептуальной целостности его научного наследия: «Буслаев умеет посмотреть на проблему как бы с некоей духовной высоты, разом охватив всю долгую историческую ретроспективу, и прочесть какой-либо конкретный факт или явление так, чтобы сразу осознать его место в общей картине народной истории, в общем течении народной жизни» [Афанасьев 1990: 6].

Основным началом русской народности Буслаев считал слово. Народная мысль воплощает себя в двух тесно связанных формах — языке и мифологии: «В самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие нравственные основы своей национальности в языке и мифологии, которые состоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами. Народ не помнит, чтоб когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды. Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как самое жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни» [Буслаев 2003: 20]. Слово, по Буслаеву, является главным «орудием» народного предания: «К нему, как средоточию, сходятся все тончайшие нити родной старины, все великое и святое, все, чем крепится нравственная жизнь народа» [Буслаев 2003: 20].

Отсюда — утверждение высокой эстетической и нравственной ценности народной словесности, которая является необходимой основой для письменной литературы. Для своего времени такая позиция была достаточно смелой и дерзкой. В отечественной фольклористике довольно долго сохранялось уходящее корнями в просветительскую философию пренебрежительное отношение к народному творчеству: признавая и утверждая его значение в качестве источника знаний о прошлом, ему отказывали в художественной, идейной значимости, объявляя наивным примитивным и суеверным. Первым о высокой эстетической ценности народных произведений, о необходимости учиться у народа искусству слова заговорил А. Н. Радищев. Его идеи были подхвачены декабристами, Пушкиным, Белинским. Но именно Буслаев придал данной проблеме принципиальный филологический характер. В речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», возражая тем, кто до сих пор сохранил ироничное отношение к народному творчеству, он решительно заявляет: «Если бы этот печальный взгляд на нашу литературу и народность нашел себе оправдание в действительности, то, без сомнения, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся от жизни, и того ничтожнее была бы народность, которая в течение многовекового существования нашей письменности не могла привиться к литературе и не умела стать с нею в уровень» [Буслаев 1990: 31]. Иными словами, великая литература может возникнуть только там, где ей предшествует высоко развитое искусство устного слова, богатое народное поэтическое творчество. И далее Буслаев выдвигает тезис о том, что литературное произведение только

тогда может претендовать на выражение национального сознания, важнейших сторон духовной жизни общества, когда опирается в процессе художественного постижения и изображения действительности на народную поэтическую традицию: «...в тех памятниках нашей литературы по преимуществу выражается во всей полноте жизнь народа, которые наиболее проникнуты творчеством народной фантазии» [Буслаев 1990: 31]. Отсюда — сложнейшая задача исследования всего объема устной и письменной словесности в их постоянном взаимодействии.

Главная ценность концепции Буслаева для нас сегодня заключается в том, что он говорит о высокой нравственной и эстетической значимости языческого наследия, его сложной взаимосвязи с христианскими элементами как в фольклоре, так и в литературе. Без изучения процесса их взаимопроникновения невозможно подлинное понимание идейного и нравственного потенциала как древней русской литературы, так и устного народного творчества.

Концепция Буслаева определила стратегическое направление развития отечественной филологии, реализованное в трудах его соратников, учеников, последователей — представителей первой русской академической школы, известной под названием мифологической. Представление о масштабах вклада Буслаева, общепризнанного лидера школы, в изучение русской словесности дает уникальное для своего времени научное издание — «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Два увесистых тома включают в себя работы, написанные в 1850-е годы, и являются, в сущности, первой обширной монографией, посвященной истории и поэтике русского фольклора и древней русской литературы. В 1887 г. выходит в свет еще один сборник «Народная поэзия», включивший работы 1860–70-х гг., в том числе фундаментальные статьи «Русский богатырский эпос» и «Русские духовные стихи». Особую ценность сегодня представляют работы, посвященные анализу русского народного эпоса. Так, С. Н. Азбелев видит несомненную заслугу Буслаева в том, что он предлагает рассматривать былины и исторические песни как комплекс произведений, позволяющий наблюдать единые закономерности народного эпоса [Азбелев 2003: 12]. Буслаев первым попытался не просто сопоставлять былинные сюжеты с историческими событиями, но решить вопрос о специфике отражения в эпосе исторической действительности, обусловленной тем, что «сложение и развитие народного эпоса обуславливалось поступательным движением народного самосознания». [Азбелев 2003: 12]. Он поставил вопрос о региональной специфике бытования фольклорных жанров («Новгород и Москва», «Областные видоизменения русской народности»), наметив тем самым вектор развития одного из самых актуальных направлений в современной фольклористике.

Наконец, Буслаев абсолютно перевернул представления о составе и художественной ценности древней русской книжности. Еще в 1834 году А. С. Пушкин писал: «Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч., но старинные наши архи-

вы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и “Слово о полку Игореве” возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [Пушкин 1978: 211–212]. Буслаев ввел в научный оборот и представил любознательному читателю огромное количество произведений средневековой русской литературы. Спустя век с небольшим Д. С. Лихачев с полным на то основанием заявляет: «“Слово” возвышается, но не в пустыне, не на равнине, а среди горной цепи, где есть и памятники исторические, ораторские, житийные, где есть произведения, сходные по своему типу, где высказывались сходные патристические идеи, возникали сходные темы» [Лихачев 1962: 300]. Мощный импульс к развитию отечественной медиевистики был дан Ф. И. Буслаевым.

В научной историографии традиционно отмечается оригинальный, самобытный характер русской мифологической школы. Ее представители, в целом опираясь на методологические принципы и методики, сформулированные и разработанные, в частности, Я. Гриммом, по-своему интерпретировали магистральные идеи европейского научного движения [Азадовский 2013: 609]. Во многом тон здесь задавал Ф. И. Буслаев. Отвергнув концепцию Я. Гримма о божественном происхождении мифологических представлений, он стремился к изучению подлинно народного мировоззрения, сущность и характер которого определились в древнейшую эпоху, однако их возникновение и формирование являло собой естественный процесс, развивавшийся от этапа к этапу. Выдвинутая Буслаевым концепция трех периодов развития двух форм русской словесности сегодня выглядит упрощенно. Первый период он определяет как мифологический, второй, переходный, характеризуется двоеверием, и, наконец, третий — уже чисто христианский, собственно эпоха расцвета древней книжности. Однако исследователь сам указывает на невозможность четкого разграничения выделенных этапов: «...так как в устной поэзии народной и доселе явственно присутствуют элементы мифологические, так как и доселе творческая фантазия русского и других христианских народов еще не достаточно очистилась от старой, языческой примеси, то под указанными мною тремя периодами скорее должно разуметь моменты в развитии народной поэзии, моменты, которые могут существовать одновременно, друг подле друга. Потому и в устной, и письменной словесности поэзия, обыкновенно называемая христианскою, вернее, есть поэзия смешанная, в которой органически слились два враждебные элемента, примирившиеся в одном общем их средоточии — в искреннем веровании» [Буслаев 1990: 33]. Стремление выстроить периодизацию народной поэзии неминуемо вело к выходу в исторический контекст, а изучение исторических обстоятельств бытования фольклора корректировало, в свою очередь концепцию и исследовательский метод. Этапной в этом плане является работа «Сравнительное изучение народного быта и поэзии», публи-

ковавшаяся в журнале «Русский вестник» на протяжении 1872–1873 гг., где Буслаев признает перспективность нового направления в науке, получившего определение «теории заимствования»: «В таком деле, как доисторическое влияние одной народности на другую, нельзя еще требовать надлежащей отчетливости и определенности, при современном состоянии науки, едва пролагающей пути по этой темной области <...> но самые взгляды его, точки отправления и приемы, самая теория, бесспорно, говорят в свою пользу, потому что ведут к объяснению многого такого, что по теории мифологии природы доселе оставалось необъяснимым» [Буслаев 1873: 591]. Довольно часто подобные высказывания интерпретируются как свидетельство пересмотра Буслаевым своих прежних взглядов и перехода на позиции школы заимствования. Думается, более справедливо было бы говорить об обогащении сравнительно-исторического метода в работах Буслаева 1870-х годов. Ученый приходит к пониманию сложности, нелинейности процесса развития народного творчества, о чем размышляет в работе «Странствующие повести и рассказы», опубликованной в том же «Русском вестнике» в 1874 г.: «Материалы, накопившиеся в сравнительной науке, так громадны, что, наконец, становится почти невозможно с достаточной ясностью взгляда опознаться в бесконечном множестве фактов, чтобы дать удовлетворительное объяснение их сродства, с точки ли зрения мифологии природы или исторической передачи предания и литературного заимствования. Поэтому эти длинные ряды сходных между собою преданий и сказаний, как в общем содержании, так и в мелочах отдельных приемов, оборотов мысли и выражений, приводят исследователей к мысли о том, что кроме сродства первобытного по языку и мифологии, и кроме исторической передачи предания и литературной взаимности есть еще другие столь же обязательные узы, которыми народы на громадных расстояниях соединяются между собою в общих им всем интересах. Общие всему человечеству законы логики и психологии, общие явления в быту семейном и практической жизни, наконец, общие пути в развитии культуры, естественно, должны были отразиться и одинаковыми способами понимать явления жизни и одинаково выражать их в мифе, сказке, притче или пословице» [Буслаев 1874: 35–36]. В сущности, Буслаев приходит к пониманию многоуровневого характера связей между творчеством разных народов: единство происхождения определяет сходство быта и культуры, что, в свою очередь, с одной стороны, располагает к контактам и заимствованиям, а с другой стороны, может привести к зарождению типологически сходных явлений в сходных исторических обстоятельствах. Таким образом, научная концепция Буслаева, при всей ее цельности, обладает внутренней динамикой, задает вектор дальнейшего развития отечественной филологической мысли.

Идеи Буслаева неоднократно подвергались строгому критическому разбору. Но и сегодня сохраняют свою актуальность его размышления о непреходящей ценности народного творчества: «Всякое время стремится к истине и, не достигая ее вполне, передает свои стремления следующему за

ним времени. Твердо только то, что окрепло и оправдалось давностью и стариною, составляющею главное содержание народности. В этом смысле народность есть столько же хранилище прежних заблуждений, сколько и испытанных веками истин» [Буслаев 1874: 43].

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский М. К.* История русской фольклористики: в 2 т. — М.: РГГУ, 2013. — Т. 2. — С. 561–978.
- Азбелев Ф. И.* Буслаев — исследователь народного эпоса и мифологии // Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. — М.: Высш. шк., 2003. — С. 7–19.
- Афанасьев Э. Л.* Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи. — М.: Худож. лит., 1990. — С. 3–28.
- Баландин А. И.* Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф. И. Буслаев. — М.: Наука, 1988. — 224 с.
- Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. — СПб.: В тип. товарищества «Общественная польза», 1861. — Т. 1. — 643 с.; Т. 2. — 429 с.
- Буслаев Ф. И.* Народная поэзия: Исторические очерки. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1887. — VI [2]. — 501 с.
- Буслаев Ф. И.* О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи. — М.: Худож. лит., 1990. — С. 30–91.
- Буслаев Ф. И.* Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. — 1873. — № 4 (104). — С. 568–649.
- Буслаев Ф. И.* Странствующие повести и рассказы // Русский вестник. — 1874. — № 5 (111). — С. 5–44.
- Буслаев Ф. И.* Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. — М.: Высш. шк., 2003. — С. 20–86.
- Злобина Н. Ф.* Концепция историзма в филологическом наследии Ф. И. Буслаева. — М.: Литера, 2010. — 332 с.
- Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 300–320.
- Ляцкий Е. А.* Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности // Памяти Федора Ивановича Буслаева / Изд. учеб. отд. о-ва распространения техн. знаний. — М.: Т-во И. Д. Сытина, 1898. — С. 129–147.
- Полевой П. Н.* Ф. И. Буслаев. (По поводу 50-летия его ученой деятельности) // Исторический вестник. — 1888. — Т. 34. — № 10. — С. 202–214.
- Пушкин А. С.* О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Л.: Наука, 1978. — Т. 7. Критика и публицистика. — С. 210–215.

REFERENCES

- Azadovskiy M. K.* Istoriya russkoy fol'kloristiki: v 2 t. — M.: RGGU, 2013. — T. 2. — S. 561–978.
- Azbelev F. I.* Buslaev — issledovatel' narodnogo eposa i mifologii // Buslaev F. I. Narodnyy epos i mifologiya. — M.: Vyssh. shk., 2003. — S. 7–19.
- Afanas'ev E. L.* Fedor Ivanovich Buslaev // Buslaev F. I. O literature: Issledovaniya; Stat'i. — M.: Khudozh. lit., 1990. — S. 3–28.
- Balandin A. I.* Mifologicheskaya shkola v russkoy fol'kloristike: F. I. Buslaev. — M.: Nauka, 1988. — 224 s.
- Buslaev F. I.* Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva: v 2 t. — SPb.: V tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1861. — T. 1. — 643 s.; T. 2. — 429 s.
- Buslaev F. I.* Narodnaya poeziya: Istoricheskie ocherki. — SPb.: Imp. Akad. nauk, 1887. — VI [2]. — 501 s.

Buslaev F. I. O narodnoy poezii v drevnerusskoy literature // *Buslaev F. I. O literature: Issledovaniya; Stat'i.* — M.: Khudozh. lit., 1990. — S. 30—91.

Buslaev F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii // *Russkiy vestnik.* — 1873. — № 4 (104). — S. 568—649.

Buslaev F. I. Stranstvuyushchie povesti i rasskazy // *Russkiy vestnik.* — 1874. — № 5 (111). — S. 5—44.

Buslaev F. I. Epicheskaya poeziya // *Buslaev F. I. Narodnyy epos i mifologiya.* — M.: Vyssh. shk., 2003. — S. 20—86.

Zlobina N. F. Kontsepsiya istorizma v filologicheskom nasledii F. I. Buslaeva. — M.: Litera, 2010. — 332 s.

Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» i osobennosti russkoy srednevekovoy literatury // «Slovo o polku Igoreve» —

pamyatnik XII veka. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. — S. 300—320.

Lyatskiy E. A. Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoy slovesnosti // *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva / Izd. ucheb. otd. o-va rasprostraneniya tekhn. znaniy.* — M.: T-vo I. D. Sytina, 1898. — S. 129—147.

Polevoy P. N. F. I. Buslaev. (Po povodu 50-letiya ego uchenoy deyatel'nosti) // *Istoricheskiy vestnik.* — 1888. — T. 34. — № 10. — S. 202—214.

Pushkin A. S. O nichtozhestve literatury russkoy // *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* — L.: Nauka, 1978. — T. 7. Kritika i publitsistika. — S. 210—215.

Данные об авторе

Татьяна Анатольевна Ложкова — доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: lozhkova@eka-net.ru.

About the author

Tatyana Anatolyevna Lozhkova — Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).